

Я. Е. ЭЛЬСБЕРГ

Стиль Щедрина

<Фрагменты>

Щедринский язык ясен и строго логичен. Щедрин не раз говорил, что он пишет «трезвенными» словами, а на упреки в излишней шутливости отвечал: «Только надо знать грамоте и понимать, что читаешь — вот что прежде всего»*. Щедрин говорил, противопоставляя «благородную мысль» и «мысль, увидевшую свет в атмосфере съезжего дома»: «Благородная мысль формирует себя без утайки, во всей своей полноте; поэтому-то она легко находит и ясное для себя выражение. И синтаксис, и грамматика, и знаки препинания — весь арсенал грамотности охотно ей повинуются...»**. Мы уже цитировали противопоставление Щедриным бюрократического языка петровского времени с присущими этому языку мотивировками, начинающимися с «понеже», с «поелику», и позднейшего бюрократического языка с его «безнадежным словом: пошел!» Щедрин считал доказательность или, как он выражается, винословность литературного языка необходимым его качеством: «Литература живет выдумкой, и чем больше в ней встречается «понеже» и «поелику», тем осязательнее ее влияние на мир»***. «В среде умеренности и аккуратности» Молчалин говорит рассказчику: «Коли затеял ты период написать, то, конечно, так уж и пригоняешь, чтобы его как следует в конце закруглить. Начнешь, например, с “так как” — дальше у тебя непременно будет “то”; “начнешь” с “хотя” — дальше будет “но”... А в современном-то нынешнем направлении вот этого именно и нет. “Так как” и “хотя” — в полной силе состоят, а “то” и “но” — в умалении, а не то так и совсем в отсутствии!»****

* Щедрин. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 275 (далее ссылки на это издание).

** Там же, стр. 486.

*** Щедрин. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 147.

**** Там же, т. XII, стр. 332.

Неслучайно Щедрин назвал «Господ ташкентцев» «исследовани-ем»^{*} и ставил своей задачей, как он выразился в вышецитированном письме к Утину, «спасти идеал свободного исследования». Тон систематического исследователя, стремящегося к возможно большей доказательности анализа, нередко прямо выступает в произведениях Щедрина и даже получает наглядное внешнее выражение.

Так, например, в «За рубежом» в трех местах Щедрин занимается систематическим («во-первых», «во-вторых», «в-третьих») перечислением и довольно пространным разъяснением «причин, обуславливающих это явление»^{**}.

Строгость, последовательность щедринского языка наглядно отражаются в некоторых особенностях щедринского эпитета. Е. Королькова уже отмечала повторяемость эпитетов в «Господах Головлевых»^{***}. Так, например, Щедрин пишет здесь о «праздном разговоре»^{****} Арины Петровны и Иудушки, о «праздной суете»^{*****}, которой была наполнена жизнь Иудушки, о «праздной жизни»^{6*} Арины Петровны в Погорелке, о «праздном уме»^{7*}, о «праздном слове»^{8*}, «праздных выкладках»^{9*} и «праздных помещичьих идеалах»^{10*} Иудушки. Щедрин говорит о том, что Иудушка был погружен в «тину мелочей самого паскудного самосохранения»^{11*}, Щедрин изображает «паскудные ночи», когда «Аннинька лихо распевала перед Евпракосюшкой репертуар своих паскудных песен»^{12*}; прошлое встает перед Аннинькой, как «паскудное напоминание о дармоедстве...»^{13*}.

Щедринский эпитет, так же как и вообще щедринский язык, — суров, точен, избегает полутонов и чужд украшательству. Повторяемость эпитета — отражение последовательности, суровости и настойчивости мысли Щедрина. Но повторяемость эта никогда не становится монотонностью, слово Щедрина всегда звучит резко и разоблачающе.

* Там же, т. X, стр. 31.

** Там же, т. XIV, стр. 209–212; см. также стр. 61–64, 192–193.

*** Е. Королькова. «О языке Щедрина». «Лит. учеба», 1935, № 7–8, стр. 182.

**** Щедрин. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 89.

***** Там же, стр. 159.

6* Там же, стр. 122.

7* Там же, стр. 159.

8* Там же, стр. 227.

9* Там же, стр. 230.

10* Там же, стр. 237.

11* Там же, стр. 164.

12* Там же, стр. 270.

13* Там же, стр. 274.

Строгая логичность слога особенно наглядно выступает в таких произведениях Щедрина, где «я» рассказчика не является самостоятельным персонажем и не отделено от автора, ибо такое отделение вызывает необходимость в той или иной мере воспроизводить язык этого персонажа, обычно «среднего человека», растерянного и мечущегося. Наиболее показательны в этом отношении «Господа Головлевы» или такой рассказ, как «Старческое горе», в котором рассказчик как персонаж появляется только в самом конце, не играя, однако, никакой самостоятельной роли.

Логичность щедринского слога не имеет ничего общего с приглаженностью и округленностью. Это — логика резкого, ироничного, страстного языка. Щедрин отнюдь не горюет по поводу «упразднения того округленного пустословия, которое многими принималось за винословность»*. Щедрин это «округленное пустословие» связывал с традициями «дворянских мелодий», обладающих последовательностью, но, «в сущности, эта последовательность есть плод умения целесообразно пользоваться частицами речи: между тем, так как, за всем тем, и т. п.»**. Щедрин упрекал дворянские мелодии в «неуловимости», в невозможности «сжать и формулировать точный их смысл»***. Язык же Щедрина был всегда точен.

Но щедринский язык, как мы видели в первых разделах этой главы, вобрал в себя громадный, пародируемый им материал. Пародия была составной частью эзоповской манеры. Если читатель забудет о пародийности этих элементов щедринского языка, он получит о нем извращенное представление. Ведь внешний алогизм пародии скрывает внутреннюю логику сатирика, издевающегося над пародируемым им явлением. А такой читатель не заметит, где непосредственное авторское высказывание перешло в пародийную форму. В представлении такого читателя щедринский язык в его логическом развертывании разобьется на отдельные куски и фразы, плохо связанные между собою и лексически различно окрашенные. При таком невнимательном, неуглубленном чтении и формулы эзоповского языка будут восприниматься не как обобщения, подготовленные всем ходом мысли, а только как яркие, разрозненные, не связанные между собой образы и обозначения.

Слова и образы Щедрина всегда ясны, точны, ярки, резки, богаты содержанием. Давно всем известные народные послови-

* Щедрин. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 147.

** Там же, т. XII, стр. 526.

*** Там же, стр. 525.

цы и поговорки по-новому звучат у Щедрина, они метко и резко разоблачают всякую фальшь и фразу. Эти народные поговорки и словечки вступают в сочетание с выражениями книжного языка и образуют обозначения эзоповской манеры, поражающие необычностью, образностью и точностью. Патетический язык Щедрина звучит грозно, беспощадно; архаические элементы не затемняют ни проповеди «высоких мыслей и чувств», ни саркастического изобличения врагов, а создают ощущение мудрости и мощи. Щедрин не знает округленных, безличных, серых, засушенных, пустых слов. Правда, Щедрин употребляет официальные, серые слова в пародии на бюрократический язык, закругленные, уваливающие обороты в пародии на либеральные слова, пустые, мертвенные выражения в пародии на язык Иудушки. Но у Щедрина эти слова звучат ясно, резко, конкретно, выразительно, ибо Щедрин дает их в *сатирически заостренных сочетаниях, мастерски выделяя сущность этих слов и фраз*, улавливая и выпячивая самое характерное в них и передавая его неологизмами и новыми, поражающими своим юмором и эстетической завершенностью оборотами.

Предложенная <...> систематизация элементов щедринского языка является, до некоторой степени, условной. Мы выбирали такие примеры, в которых своеобразие того или иного элемента щедринского языка выступает наиболее отчетливо. Но в живой ткани щедринского языка все эти элементы переплетены теснейшим образом, связаны взаимными переходами, одно и то же слово нередко дается Щедриным в различных тональностях, в различных сочетаниях, изменяющих его звучание. Вот в гневной патетической характеристике «людей-каменей» Щедрин говорит о «бессмысленном шипении» злобы, присущей этим людям, и о «смуте», которую это шипение «внедрило в человеческие сердца»*. И на той же странице, в этой же связи Щедрин упоминает о «партикулярных шипениях» — слово это здесь уже изъято из патетического контекста и в сочетании с бытовым выражением превращено в иронически-эзоповскую характеристику всякого рода добровольцев сыска и доноса.

Разумеется, взаимная связь различных элементов щедринского языка проявляется не только в перенесении одного и того же слова из одной тональности в другую. Чаще всего Щедрин один и тот же образ, одну и ту же мысль иллюстрирует словами и выражениями различной окраски. Так, например, Щедрин пишет: «Что земские люди были призваны для лужения ручной мойников и для починки мо-

* Щедрин. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 394.

стов — это они поняли вполне правильно. Но дело в том, что лудить можно двояко: или с предвзятым намерением, или чистосердечно, без намерения. Всё равно, как лапти плести: можно с подковыркой, а можно и без подковырки. С подковыркой щеголеватее и прочнее, но зато крамолой припахивает; без подковырки — лапоть совсем никуда не годится, но зато о крамоле слыхом не слыхать!.. Ходи, Корела, без подковырки!»*

Щедрин здесь использует обыденнейшее бытовое выражение «лужение рукомойников» для эзоповского обобщающего и юмористического обозначения деятельности земства; затем это определение дифференцируется пародийным использованием терминов бюрократического языка «с предвзятым намерением» и «чистосердечно, без намерения»; термины эти показывают, какая оценка может быть дана деятельности земства со стороны «начальства»; наконец, образы народного языка плести лапти «с подковыркой» и «без подковырки» подчеркивают вышеуказанную пародийность и сатирически высмеивают как подозрительность начальства по отношению к земцам, так и их «лужение»; к тому же в сочетании с этими народными словами пародийно применяется и официальное слово «крамола».

Этот пример показывает нам многоцветность, богатство красок и содержания щедринского языка. В отличие от Лескова, Щедрин никогда не играет словом как чем-то самодовлеющим и независимым от развития образа и идейного содержания.

В приведенном примере каждое слово является настолько необходимым и мастерски прилаженным звеном всей цепи образов и слов, что глубина и точность щедринской сатирической мысли и завершенность ее словесного выражения заставляют позабыть о том, какой гениальный и громадный труд нужен был для подбора и сочетания этих слов.

Для того, чтобы все важнейшие особенности щедринского языка проиллюстрировать на сравнительно небольшом материале, мы приведем здесь выдержки из трех писем Щедрина, посвященных закрытию «Отечественных записок» <...> и написанных в течение двух месяцев после 20 апреля 1884 года. При всех особенностях щедринской эпистолярной манеры, письма Щедрина со стороны стиля могут быть рассмотрены как миниатюрные подобию его художественных произведений, на что особенно ясно указывает знаменитая переписка Николая I с Поль де Коком, созданная великим сатириком в его письмах.

* Щедрин. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 366.

«Извещаю Вас кратко: «Отеч[ественные] Зап[иски]» приказали долго жить... Вот какой со мной казус случился. Сидел я, больной, в моем углу и пописывал. Думал, что я на здоровье отечеству пописывал, а выходит, что на погибель. Думал, что я своим лицом действую, а выходит, что я начальником банды был. И все это делал не с разумением, а по глупости, за что и объявлен публично всероссийским дураком. И Пошехонье теперь думу думает: так вот он каков! Прежде, бывало, живот у меня заболит — с разных сторон телеграммы шлют: живите на радость нам! а нынче вон, с божьею помощью, какой переворот! — и хоть бы одна либеральная свинья выразила сочувствие!.. Стасюлевич выразил кондолеанс, по отношению сотрудничества в «Вестнике Европы» — ни гу-гу... * Прочие же пошехонские литераторы... читают небылицы в лицах и, распахнув рот, думают: как это еще нас бог спас!** Аминь глаголю Вам: нет животного более трусливого, как русский либерал... *** Что касается моего социального положения, то я теперь все равно что генерал без звезды. Никак не могу выяснить себе, какого я пола...» ****

В этом небольшом отрывке мы видим и народные, резкие, разоблачающие слова («ни гу-гу», «небылицы в лицах», «распахнув рот», «либеральная свинья»), и иронически звучащие архаические галлицизмы («кондолеанс»), и пародийное использование официальных оборотов («публично объявлен всероссийским дураком», «начальник банды», «какого... пола»), и пародирование либеральной фразы («живите на радость нам» по поводу того, что «живот заболит»), и устойчивые термины эзоповского языка («Пошехонье» и «пошехонские литераторы»), и, наконец, по сути эзоповское, нарочито сниженное воспроизведение своего языка, как языка недоумевающего «среднего писателя» («сидел... в своем углу и пописывал», «все это делал не с разумением, а по глупости...»).

Приведенные примеры поясняют еще одну чрезвычайно важную особенность щедринского языка. Его идейная ясность и логичность сочетается с бытовой конкретностью. «Высокие» обобщающие слова сочетаются в нем с выражениями, передающими весь колорит быта, во всей его вещественности. Образ «лужения рукомойников» и его уподобление и вариация — плетение лаптей «с подковыркой» и «без подковырки» воспринимаются одновременно и как по-эзоповски

* Щедрин. Полн. собр. соч., т. XX, стр. 42, 44.

** Там же, стр. 45.

*** Там же, стр. 64.

**** Там же, стр. 63.

обобщающее понятие, и как слова, ярко передающие особенности быта той эпохи. Слова и образы эти не подогнаны к поясняемому понятию — к деятельности земства, а взяты из быта. В цитированных же письмах Щедрина находит слова и для создания величавого и трагического образа человека, писавшего «на здоровье отечеству», всеми оставленного и грозно разоблачающего либералов, и для отражения мелкого, серого быта, этого человека окружающего.

Таковы важнейшие общие черты языка Щедрина — сурового, сильного, лаконичного, строго логичного, многоцветного, полного сарказма и юмора, страстного и сдержанного в этой своей страстности. Л. Н. Толстой писал о «сжатом, сильном, настоящем языке»^{*} Щедрина, И. А. Гончаров о «сильном и оригинальном языке»^{**}, А. М. Горький о «сердитом языке»^{***} Салтыкова.

* «Лит. наследство», № 13–14, стр. 515.

** И. А. Гончаров. Литературно-критические статьи и письма. Гослитиздат, 1938, стр. 275.

*** М. Горький. «О литературе», М., 1935, стр. 237.